

П.И. Бартенев

Биография И. И. Шувалова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.И. Бартнев**
Биография И. И. Шувалова / П.И. Бартнев – М.: Книга по Требованию, 2014. –
84 с.

ISBN 978-5-517-82678-7

ISBN 978-5-517-82678-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И. И. ШУВАЛОВЪ.

«Мы забудемъ со временемъ однофамилца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностью, веселостью и учтивостью, достойною времени Людовика XIV; но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоценно музамъ отечественнымъ.»

Батюшковъ.

Едва ли гдѣ нибудь исторія образованности, изложенная надлежащимъ образомъ, можетъ представить столько важныхъ и для всякаго мыслящаго человѣка поучительныхъ явленій, какъ въ нашемъ отечествѣ. Разнообразіе путей, которыми переходила къ намъ наука, борьба возникавшихъ понятій, участіе въ этомъ дѣлѣ самаго общества, которое то жаждо устремлялось къ свѣту, то снова предавалось губительному равнодушію, — все здѣсь привлекаетъ вниманіе наблюдателя. Такая исторія еще не писана; едва указаны главныя черты ея. Нѣтъ сомнѣнія однакожъ, что въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, въ Россіи, какъ и вездѣ, на ряду съ благотельными мѣрами правительства, не малую пользу приносили труды и заботы частныхъ людей, самостоятельныхъ его помощниковъ. Въ прошломъ столѣтіи, въ краткомъ спискѣ такихъ людей особенно ярко блистаютъ имена академика Ломоносова, вельможи Шувалова и типографщика Новикова. Мы увѣрены, что обстоятельныя и подробныя описанія ихъ послужатъ важнѣйшимъ матеріаломъ будущему историчу русскаго просвѣщенія.

Въ этой увѣренности передадимъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о знаменитомъ *предстателѣ музъ, русскомъ леценатѣ*, Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ. Кажется, что именно въ настоящее время будетъ

кетати возобновить память объ этомъ человѣкѣ: Московскій Унивверситетъ, учрежденіе котораго составляетъ главное право Шувалова на признательность общественную, еще такъ недавно праздновалъ свое столѣтіе.

Имени Шуваловыхъ мы не найдемъ ни въ Исторіи Государства Россійскаго, ни въ старинныхъ грамотахъ, ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ древней Россіи (1). Ихъ пзвѣстность начинается не раньше первой четверти прошлаго вѣка, и ею, кажется, они обязаны долговременной и усердной службѣ генераль-маіора Пвана Максимовича Шувалова, обратившаго на себя вниманіе Петра Великаго, который поручилъ ему важную должность коменданта въ ново-завоеванномъ городѣ Выборгѣ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій, занимался съемкою карты морскихъ и рѣчныхъ береговъ, опредѣлялъ границу между Россією и Швецією, производилъ уплату денегъ шведскимъ коммиссарамъ на основаніи Ништадтскаго мира, содѣйствовалъ къ выгодѣйшему заключенію сего послѣдняго, и умеръ при Анніи Ивановнѣ губернаторомъ въ Архангельскѣ (2). По всему видно,

(1) См. Россійск. Родословную книгу, изд. кн. П. Долгоруковымъ. Спб. 1835. ч. II. стр. 148. Андрей и Николай Шуваловы упоминаются въ Запискахъ Пашокина, стр. 249.

(2) Продолжительность мирныхъ переговоровъ съ Швецією вывела изъ терпѣнія Петра Великаго. Онъ наконецъ отправилъ въ Ништадтъ Ягужинскаго, съ повелѣніемъ поскорѣе окончить дѣло. Ягужинскій долженъ былъ ѣхать черезъ Выборгъ, и тамошній оберкомендантъ Ив. Макс. Шуваловъ, по просьбѣ Остермана, задержалъ Ягужинскаго разными угоденіями и нарами. Между тѣмъ наши уполномоченные выиграли время и заключили миръ безъ дальнѣйшихъ уступокъ. См. объ этомъ рукописное сочиненіе покойнаго Малиновскаго: *Біографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министрахъ*, въ статьѣ объ Остерманѣ. — Бантышъ Каменскій, въ своемъ Словарѣ (1836, ч. V. стр. 345) называетъ Пвана Максимовича отцемъ нашего мецената; но въ Родословной книгѣ кн. Долгорукова показано, что этотъ Пванъ Максимовичъ былъ его дядею, а отцемъ Пвана Ивановича былъ другой Пванъ Максимовичъ, *меньшой*, братъ перваго. (Въ старину, какъ и теперь у крестьянъ, не рѣдко два родные брата носили одно имя, различаясь прозвищами *большой* и *меньшой*.) Изъ этихъ разнорѣчныхъ показаній мы признаемъ второе болѣе достовернымъ, ибо кн. Долгоруковъ очевидно пользовался бумагами, какихъ не было у Бантыша-Каменскаго. Къ сожалѣнію оба они не указываютъ своихъ источниковъ. Кн. Долгоруковъ писемно извѣщалъ насъ, что свѣдѣнія и бумаги о Шуваловыхъ были получены имъ отъ покойнаго знатока старинныя, Карабанова. — Рѣшить дѣло предстоитъ тому, кто получитъ доступъ къ семейному Шуваловскому архиву. Но если вѣрно показаніе Бантыша-Каменскаго, то возникаетъ любопытное предположеніе, не сблизился ли Ломоносовъ первоначально съ Шуваловымъ между прочимъ и потому, что отецъ сего послѣдняго управлялъ Архангельскою губернією. Просимъ извиненія у читателей за это длинное изрѣзаніе, вызванное неопредѣленностію біографическихъ данныхъ.

что онъ былъ добрый служака, не пользовавшийся впрочемъ большимъ значеніемъ. Однако онъ успѣлъ помѣстить двухъ сыновей своихъ, Александра (1710—1774) и Петра (1714—1762) ⁽³⁾, въ пажы къ царскому двору, гдѣ еще при Петрѣ Великомъ оба они, а особливо старшій ⁽⁴⁾, заслужили особенное благоволеніе великой княжны Елизаветы Петровны,—обстоятельство, какъ увидимъ, опредѣлившее судьбу всѣхъ Шуваловыхъ. Вообще же Шуваловы принадлежали къ числу людей *новыхъ*, вызванныхъ къ дѣятельности петровымъ преобразованіемъ.

Иванъ Ивановичъ родился 4-го Ноября 1727 года въ Москвѣ ⁽⁵⁾. О первоначальномъ возрастѣ его не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Объ отцѣ его, Иванѣ Максимовичѣ *младшемъ*, знаемъ только, что онъ служилъ въ гвардіи капитаномъ, подъ начальствомъ Миниха, лично извѣстенъ былъ Петру Великому, получилъ тяжелую рану на приступѣ къ Очакову (1737) и умеръ въ глубокой старости, не дождавшисъ совершеннолѣтія сына; о матери же—что она происходила изъ роду (вѣроятно польскаго) Ратиславскихъ, что ее звали Татьяною, и что она была еще въ живыхъ, когда счастіе осыпало дарамъ своихъ ея сына ⁽⁶⁾. Маленькій Шуваловъ росъ конечно подъ ея надзоромъ, живя изрѣдка въ Москвѣ, по большей же

(3) См. ихъ біографіи у Б. Кам. Т. V. стр. 341—343; оттуда же взяты и дальнѣйшія о нихъ свѣдѣнія.

(4) См. тамъ же стр. 342. Впрочемъ Б. К. сообщаетъ это свѣдѣніе въ видѣ дошедшаго до него преданія.

(5) Что Шуваловъ родился въ Москвѣ, узнаемъ изъ статьи П. М. Снегирева: *Иванъ Ивановичъ Шуваловъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, часть 15-я, Августъ, стр. 396—403). Откуда взято это свѣдѣніе, неизвѣстно. Годъ рожденія Шувалова опредѣляется надгробнымъ словомъ преосвященнаго Анастасія Братановскаго, который между прочимъ говоритъ, что Шуваловъ *прожилъ 70 лѣтъ*, а скончался онъ въ Ноябрѣ 1797 г.—Байтышъ—Каменскій также назначаетъ годомъ рожденія 1727 годъ. Кажется, эти показанія неоспоримы. Вольтеръ писалъ къ Шувалову отъ 1-го Авг. 1758 года: «Узнавъ, что вамъ всего двадцать пять лѣтъ, не могу удивиться глубинѣ и разнообразію вашихъ познаній»; но онъ зналъ о годахъ Шувалова по слухамъ, и можетъ быть, по обычаю, нарочно сократилъ года, чтобы еще болѣе похвалить корреспонденту своему. Что Шуваловъ родился 1-го Ноября, видно изъ многихъ указаній, между прочимъ изъ Разсужденія Ломоносова о размноженіи русскаго народа. Ломоносовъ, поднося Шувалову это разсужденіе, 1-го Ноября 1761 года, говоритъ: «Пропу о вашемъ непрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго Строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго васъ въ сей день.» (См. Москвит. 1842 г. N. 1, стр. 143).

(6) См. Родосл. книгу кн. Долгорукаго, Ч. II. стр. 150.—И. М. Снегиревъ сообщаетъ, что Шуваловъ остался послѣ отца 10-лѣтнимъ ребенкомъ.

части въ деревнѣ дѣда своего (не извѣстно по отцу или по матерн), кажется, въ Смоленской губерніи (7).

Ничто не предвѣщало Шувалову блестящей будущности. Въ небогатой семьѣ своей онъ получалъ воспитаніе самое простое (8). Тогда преобразование Россіи еще только совершалось; прошло лишь нѣсколько лѣтъ послѣ кончины преобразователя. Въ деревенскую глушь не успѣла еще проникнуть новизна. Хотя родители Шувалова, имѣя родственниковъ при царскомъ дворѣ, болѣе или менѣе уже знакомы были съ новыми требованіями, но въ домѣ ихъ безъ сомнѣнія еще господствовала старина во всей своей силѣ, со всеми хорошими и дурными сторонами своимп. Старикъ дѣдъ былъ живымъ памятникомъ времени царя Алексѣя Михайловича. Шувалова вспоили и вскормили деревенскія мамушки; съ первыхъ дней своихъ онъ слышалъ одну только родную рѣчь, русскія сказки, русскія пѣсни; словомъ, провелъ дѣтство въ неразрывномъ общеніи съ народомъ, не отчуждаясь отъ него, не привыкая смотрѣть на него съ высота. Тогдашнее воспитаніе, какъ ни много представляетъ оно недостатковъ, имѣло однако свою выгоду, и именно въ этомъ ближайшемъ знакомствѣ съ родною страной и съ окружающею природою. Мы знаемъ о томъ, между прочимъ, по запискамъ Болотова, который также, какъ и Шуваловъ, сынъ небогатаго дворянина, первые годы провелъ въ деревенскомъ захолустьи (9). Такое сближеніе дѣйствовало живительно: ребенокъ выросталъ настоящимъ сыномъ земли своей.

(7) См. Записки П. Ф. Тимковскаго, подъ заглавіемъ: *Мое опредѣленіе въ службу*, ч. 5-я, *Шуваловъ* (Москвит., 1852, № 20. стр. 39.). «Сколько я могъ замѣтить—говорить Тимковскій о Шуваловѣ—кажется, онъ имѣлъ особыл отношенія въ Смоленской губерніи. Я видалъ у него и у княгини (Голицыной, сестры его) бывшаго тамъ губернатора съ семействомъ и другихъ оттуда пріѣзжихъ. Оттуда же онъ имѣлъ секретарями изъ университетскихъ, Можайскаго, переводника Сельскихъ почтъ (Сельскій почт., въ 10 вѣснихъ: соч. Де-ла-во, перев. Т. М. Два изданія, оба въ Петербургѣ, 1786 и 1792), и потомъ Любогоскаго, бывшаго тамъ послѣ директоромъ училищъ».

(8) См. *Жизнь оберъ-камергера П. П. Шувалова*, написанную племянникомъ и воспитанникомъ его, кн. Федоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Она была напечатана нѣсколько разъ (между прочимъ во 2-й мартовской книгѣ Москвитинна за 1853 годъ), но всегда съ пропусками. Мы пользовались полнымъ рукописнымъ экземпляромъ, находящимся въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго. При всей краткости своей эта биографическая записка представляетъ самыя достовѣрныя данныя, и потому принята въ основаніе нашего труда. Изъ нея замѣтрованы всѣ главныя свѣдѣнія, при сообщеніи которыхъ считаемъ излишнимъ дѣлать выписки.

(9) См. Отечество. Записки 1849 года. Нельзя не показать, что изъ 39 частей этихъ записокъ напечатаны только первыя девять, и то съ пропусками.

Вообще Шуваловъ, подобно многимъ другимъ славнымъ людямъ прошедшаго вѣка, первоначальными основами своего характера обязанъ былъ тому быту, который обыкновенно называютъ до-петровскою стариною. Изъ родительскаго дома вынесъ онъ безусловную покорность уставамъ Церкви, благоразумное, далеко не похожее на раболѣзство, уваженіе власти, горячую любовь къ родинѣ и то желаніе быть ей полезнымъ, которое увѣковѣчиваетъ его имя въ исторіи. Оттого европейское образованіе, усвоенное имъ впоследствии, принесло такіе прекрасные общественные плоды. Шувалова никогда не покидала мысль о родинѣ и о сообщеніи своимъ соотечественникамъ новыхъ благъ образованности. Письма его изъ-за границы, которыя читатель встрѣтитъ ниже, показываютъ, что, по складу ума и рѣчи, онъ былъ вполне русскій человѣкъ.

Первыми учебными книгами Шувалова, безъ сомнѣнія, были церковная азбука и часословъ. Къ сожалѣнію не сохранилось никакихъ подробностей объ его ученіи, которое конечно происходило очень просто. Живя въ Москвѣ, онъ учился у одного учителя съ другимъ московскимъ уроженцемъ, славнымъ Суворовымъ, который, по всему вѣроятію, жилъ тогда въ домѣ своего дѣда, кремлевскаго придворнаго протоіерея (10). Шуваловъ помнилъ объ этомъ товариществѣ, и самъ разсказывалъ о немъ впоследствии. Надо думать, что учитель былъ хорошій и умѣлъ заохотить къ ученію: оба ученика вышли просвѣщеннѣйшими людьми своего вѣка. Молодой Шуваловъ еще въ Москвѣ понималъ и даже говорилъ по французски и по нѣмецки, также пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ математикѣ.

Его воспитывали по просту, пользуясь при обученіи средствами, какія можно было тогда имѣть въ Москвѣ, и конечно не думая все приготовить его къ извѣстности. Какъ и все тогдашніе дворяне, онъ со временемъ вѣроятно поступилъ бы рядовымъ въ какой нибудь полкъ, если только не былъ записанъ въ военную службу съ младенчества. Петербургское родство не могло обѣщать родителямъ Шувалова никакихъ особенныхъ надеждъ относительно будущности ихъ сына. Правда, двоюродные его братья служили уже камеръ-юнкера-

(10). См. Родослов. книгу. ч. II. стр. 66. Къ сожалѣнію кн. Долгоруковъ не показываетъ, откуда заимствовалъ онъ это любопытное извѣстіе, которое объясняетъ привычку великаго полководца итъ въ церкви на клиросѣ, и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ старину и великорусскіе дворяне поступали въ бѣлое духовенство.

ми, но при дворѣ цесаревны Елизаветы Петровны, которая, въ царствованіе Анны Ивановны, сама не рѣдко искала покровительства и жила какъ бы въ опалѣ, иногда даже терѣла нужду (11).

Но наступилъ памятный въ русской исторіи Ноябрь мѣсяца 1741 года. Оба брата Шуваловы показали особенную дѣятельность въ ночь на 25-е число этого мѣсяца, когда дочь Петра Великаго поѣхала изъ дворца своего (нынѣшнее зданіе нажескаго корпуса) въ Преображенскія казармы принимать присягу на вѣрноподданство. Усердіе Шуваловыхъ много помогло счастливому окончанію этого переворота, совершившагося къ радости цѣлой Россіи, измученной правленіемъ Бирона. Государыня, разумѣется, не забыла услуги. Оба брата немедленно получили по нѣскольку наградъ, были пожалованы чинами и удержаны при дворѣ, уже съ званіемъ дѣйствительныхъ камергеровъ. Жена младшаго изъ нихъ, Петра Ивановича, Мавра Егоровна (урожд. Шеполева), сдѣлалась статсъ-дамою и приобрѣла большую силу во дворцѣ.

Почти весь слѣдующій годъ (съ Февраля по Декабрь) Елизавета Петровна прожила въ любимой своей Москвѣ, гдѣ въ Апрѣлѣ происходили торжества вѣчанія на царство. Тутъ братья Шуваловы конечно выдѣлились съ своими родственниками и, по всему вѣроятію, въ это время замѣтили между ними 15-лѣтняго мальчика прекрасной наружности, тихаго, добродушнаго, прилежнаго къ ученью. Намъ неизвѣстно умственное развитіе Александра Ивановича Шувалова, но о братѣ его, Петрѣ, современники единогласно отзываются, какъ о человѣкѣ съ обширнымъ умомъ и съ большими свѣдѣніями, особливо въ наукахъ математическихъ. По всему вѣроятію онъ обратилъ вниманіе на двоюроднаго брата своего, и рѣшился взять его къ себѣ въ Петербургъ, чтобы образоватъ его и вывести въ люди. Молодой Шуваловъ былъ опредѣленъ въ пажы къ царскому двору, т. е. поставленъ на ту самую дорогу, по которой съ такимъ успѣхомъ шли его родственники.

(11) Вотъ между прочимъ любопытное о томъ свидѣтельство. Елизавета Петровна въ царствованіе Анны Ивановны была дружна съ принцессою Анною Леопольдовною. Когда у сей последней родился сынъ (будущій императоръ Іоаннъ), цесаревнѣ необходимо было чѣмъ нибудь подарить родильницу. Она нѣсколько разъ послала въ Гостиный дворъ торговать какую-то вазу; но не могла дать дорогой цѣны, которую за нее просили. Вдругъ гостинодворцы по чему-то узнали, что ваза нужна дочери Петра Великаго, и немедленно уступили ее даромъ. Какъ извѣстно, Елизавета Петровна въ ту пору считалась представительницею русской стороны. Этотъ рассказъ сообщенъ по преданію покойнымъ Ф. Ф. Вигелемъ.

Въ пеходъ 1742 г. государыня и дворъ уѣхали изъ Москвы, и съ этихъ поръ, по всему вѣроятію, началась для Шувалова петербургская придворная жизнь его ⁽¹²⁾.

Сохранилось много свидѣтельствъ о томъ, что въ это время первые люди въ государствѣ живо чувствовали необходимость образованія. Ближайшее лице къ государынѣ, оберъ-егермейстеръ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій тотчасъ воспользовался своимъ возвышеніемъ, чтобы вызвать изъ Украйны 14 лѣтняго брата, Кирилу Григорьевича, и немедленно, по возвращеніи изъ Москвы, отпривилъ его за границу учиться подъ надзоромъ адъюнта Теплова ⁽¹³⁾. М. П. Воронцовъ (мужъ императрицыной двоюродной сестры, Анны Карловны Скавронской) не щадилъ издержекъ на воспитаніе дѣтей и племянницы (внучдѣтвіи знаменитой кн. Дашковой) ⁽¹⁴⁾. Государственный канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ посвящалъ свои досуги наукамъ и въ послѣдствіи даже печаталъ книги ⁽¹⁵⁾. Такіе прилѣры не могли оставаться безъ подражанія. Не мудрено, что Шуваловы также позаботились объ учителяхъ для брата своего. Но положительныхъ извѣстій о томъ не сохранилось: знаемъ только, что, будучи нажемъ, молодой Шуваловъ продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе. Можетъ быть для преподаванія наукъ приглашались петербургскіе академики; но ни предметы, ни объемъ преподаванія намъ неизвѣстны. Въ послѣдствіи, Шуваловъ не обнаруживалъ особенной склонности къ какой-либо отдѣльной отрасли знанія: его образованіе было общее, энциклопедическое, хотя изящная словес-

(12). Мы говоримъ *по всему вѣроятію*, не утверждая навѣрное. С. П. Глинка сообщает (Русское Чтеніе, ч. II, стр. 281), что Шуваловъ находился уже въ Петербургѣ въ 1742 г., передъ возвращеніемъ туда императрицы, и что онъ спрашивалъ Ломоносова, будетъ ли ода на высочайшее прибытіе. Тотъ отвѣчалъ, что ему надобны оды послѣ того, какъ Тредьяковскій написалъ оду Бирону, и потомъ по его приказу написалъ другую на вошествіе Юанна Антоновича, которую и прислалъ Ломоносову, чтобъ придать ей ходъ.—Стало быть вы не любите Елизаветы? — возразилъ Шуваловъ. Въ отвѣтъ на это Ломоносовъ принялся за оду:

Какой пріятный зефиръ вѣсть.

Все это Глинка слышалъ по преданію отъ умирающаго Хераскова, и точности тутъ искать нечего. Кромѣ того Шуваловъ могъ уѣхать изъ Москвы впередъ, прежде двора.

(13). См. въ Москвитинѣ (1832, № 12, стр. 3—8) *Инструкцію, какимъ образомъ Разумовскому поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ*, подписанную въ Мартѣ 1743 г.

(14). Записки кн. Дашковой, въ отрывкахъ переведенныя съ англійскаго, въ Москвитнѣ, 1842. № 1, стр. 100.

(15). См. его біографію у Бант. Кам. 1836, ч. I, стр. 133—9.

ность наиболѣ занимала его. Это объясняется съ одной стороны потребностями того времени, съ другой необыкновенною способностью Шувалова къ иностраннымъ языкамъ. Онъ рано познакомился съ языками итальянскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ. Последнему легко было научиться, находясь при дворѣ Елизаветы Петровны, особливо въ первые годы ея царствованія, когда еще не было устраниено вліяніе Лестока; языкъ итальянскій постоянно слышался со сцены придворнаго театра, который славился тогда во всей Европѣ итальянскою оперою; наконецъ уроки учителей, которые, по всему вѣроятію, были преимущественно Нѣмцы, могли познакомить Шувалова съ нѣмецкимъ и латинскимъ языками.

Знаніе языковъ не только обогащало Шувалова разнообразными свѣдѣніями, но и помогло служебнымъ его успѣхамъ. Оно было особенно полезно въ должности пажка. Государыня и вельможи не рѣдко посылали Ивана Ивановича къ иностраннымъ министрамъ съ разными посланками, вопросамъ и порученіямъ, такъ что онъ былъ постоянно на виду. Его скромность, добронравіе, любознательность, а вѣроятно болѣе всего красота—родовое преимущество Шуваловыхъ, выдвигали его изъ ряда товарищей. Братья Шуваловы не теряли его изъ виду, «имѣя—какъ отзывается племянникъ и жизнеописатель его, Кн. Ѳ. Н. Голицынъ—можетъ быть какія-нибудь дальнѣйшія соображенія». Нѣтъ сомнѣнія, что статсъ-дама, Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, жившая постоянно во дворцѣ (16), пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца-пажа благосклонное вниманіе государыни Елизаветы Петровны: онъ получилъ первый знакъ милости ея величества—золотые часы, и назначенъ камеръ-пажемъ. Впрочемъ въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны Шуваловы еще не пользовались особеннымъ значеніемъ: тогда наибольшую силу имѣлъ графъ А. Г. Разумовскій. Сохранилось любопытное преданіе, что Мавра Егоровна Шувалова служила молебны по возвращеніи мужа своего съ охоты, на которую онъ ѣзжалъ съ Разумовскимъ, такъ какъ иногда случалось, что сей послѣдній обращался съ ея мужемъ не очень вѣжливо, и по просту съкъ его батогами (17). Мало по малу сила

(16). Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. 1821. г., ч. I, стр. 179. и Дашлова, стр. 102.

(17). Это рассказывалъ гр. И. Г. Чернышевъ, и записалъ Порошинъ. См. его записки, Сиб. 1844. стр. 72.

Разумовскаго ослабѣвала, хотя онъ до конца пользовался почестями и милостями; Шуваловы же умѣли упрочить свое значеніе. Старшій изъ нихъ, Александръ, получилъ въ свое вѣдѣніе тайную канцелярію; Петръ Ивановичъ сосредоточилъ въ рукахъ своихъ разныя отрасли управленія, главнымъ же образомъ тѣ, которыя нынѣ входятъ въ составъ министерствъ военнаго и финансовъ; оба они въ 1746 году получили графскій титулъ русской имперіи. Они дѣйствовали однако весьма осторожно, и для возвышенія двоюроднаго своего брата сочли нужнымъ обратиться къ покровительству двухъ друзей графа Разумовскаго, къ Апраксину и графу Бестужеву-Рюмину. Александръ Ивановичъ Шуваловъ нарочно ѣздилъ къ нимъ просить, чтобы они «фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и ея величеству въ удобное время доложили» о дальнѣйшемъ производствѣ Ивана Ивановича (18). Очевидно, это было сдѣлано только для прикрытія: на самомъ дѣлѣ милость императрицы къ Шуваловымъ уже не подлежала сомнѣнію.

Сказанное происходило въ 1749 году. Тогда императрица жила круглый годъ въ Москвѣ, но временамъ уѣзжая въ окрестныя села и монастыри. Свои именины, 5 Сентября, она праздновала въ Воскресенскомъ монастырѣ, и наканунѣ этого дня пожаловала Ивана Ивановича Шувалова, которому тогда еще не исполнилось 22 лѣтъ, своимъ камеръ-юнкеромъ, о чемъ напечатано было слѣдующее извѣстіе въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: «Прошлаго Сентября 4 «дня въ Воскресенскомъ монастырѣ ея императорское величество «всемилостивѣйше пожаловала своего камеръ-пажа Ивана Ивано-«вича Шувалова въ свои камеръ-юнкеры съ жалованіемъ, по чему «прочіе ея величества камеръ-юнкеры получаютъ» (19).

Съ этихъ поръ начинается придворное значеніе И. И. Шувалова или, какъ тогда говорили, *случай* его (20). Хотя, по возвращеніи государыни въ Петербургъ, въ 1751 году, явился было ему весьма опасный совѣтникъ въ лицѣ молодого подпоручика гвардіи Никиты Лоасаевича Бекетова, но его скоро отстранили, съ помощью какого-то притирающаго, которое ему далъ графъ П. И. Шуваловъ и

(18). Тамъ же.

(19). См. Сиб. Вѣдомости, 1749 г. № 83. стр. 678. извѣстіе изъ Москвы, отъ 15 Октября.

(20). Отсюда обыкновенное выраженіе про людей, внезапно возвысившихся: *онъ человекъ случайный*. Этому выраженію соответствуетъ другое: *быть во времени, временицкиъ*; какъ, на пр., говорить человѣку, который получаетъ выгодное мѣсто: «будешь во времени, мени подлани».

которое обезобразило его наружность (21). Неусыпная дѣятельность графини Мавры Егоровны Шуваловой увѣичалась полнымъ успѣхомъ: Ивану Ивановичу было отведено особенное помѣщеніе во дворцѣ, остававшееся за нимъ до самой кончины императрицы. Онъ внезапно очутился на высотѣ почестей: его назначили дѣйствительнымъ камергеромъ, дали ему орденъ Александра Невскаго и Польскій Бѣлаго Орла (1754), чины генераль-поручика (21 Сент. 1757) и генераль-адъютанта (4 Іюня 1760), наконецъ онъ сдѣлался членомъ Конференціи или тогдашняго Государственнаго Совѣта (22). Однимъ словомъ, въ продолженіе слишкомъ 10 лѣтъ онъ пользовался неизмѣнною, постоянно возрастающею милостію государыни, которая, какъ видно изъ современныхъ отгѣтокъ, нѣсколько разъ въ году обѣдывала и ужинала у него, оставаясь не рѣдко по долгу въ его домѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны всѣ важныя дѣла проходили чрезъ руки И. И. Шувалова: онъ не рѣдко объявлялъ Сенату и высшимъ чиновникамъ именныя повелѣнія (23); къ нему обращались въ затруднительныхъ случаяхъ, когда нужно бывало особенное распоряженіе императрицы; черезъ него подавались просьбы и доклады на высочайшее имя, и особенно часто въ концѣ царствованія, когда Елизавета Петровна по нездоровью почти не выходила изъ внутреннихъ покоевъ дворца (24).

Нравы и понятія того времени не дозволяютъ произносить строгихъ приговоровъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не сказать въ похвалу Шувалову, что счастье не измѣнило и не испортило его, быть можетъ, потому, что онъ не добивался его, а оно пришло къ нему само, неожиданно. Его предшественникъ графъ Разумовскій, не зная его еще коротко, сначала ожидалъ себя непріятностей и боялся удаленія отъ двора; но скорѣе убѣдился, что Иванъ Ивановичъ нѣсколько не

(21) См. его біографію у Бант. Кам. изд. 1836, ч. I, стр. 115.

(22) См. тамъ же, ч. V, стр. 348. Эти повышенія означены также и въ современныхъ вѣдомостяхъ. Бант. Каменскій имѣлъ въ рукахъ, какъ видно, формулярный списокъ Шувалова. У него обозначены дипломатическія бумаги, подъ которыми подписался Шуваловъ, а именно: 7 Марта 1760 г., подъ актомъ приступленія Россіи къ трактату между вѣнскимъ и парижемскимъ дворами, о продолженіи войны съ Пруссіею; 10 Марта 1760 г., подъ актомъ приступленія Россіи къ договору между Франціею и Даніею, постановленному въ Коннегентѣ (о чемъ, не сказано), и 21 Марта того же года, подъ конвенціею о взаимной дружбѣ Россіи съ Австріею.

(23) Записки Шаховскаго, ч. II, стр. 100—101.

(24) См., между прочимъ, Перошина, стр. 462.